

КАМЕННЫЕ ФИГУРНЫЕ ЖЕЗЛЫ СИБИРИ

Каменные шлифованные стержни со скульптурным изображением головы животного на одном конце довольно широко известны в Сибири. Они разнообразны по форме и размерам, но специфическое оформление одного конца и отсутствие следов употребления в качестве орудий позволяют условно именовать все эти предметы жезлами. По ряду особенностей их можно подразделить на 3 типа.

Жезлы первого типа представлены пятью экземплярами: два из них найдены в Минусинской котловине, два — в Туве и один — в Северной Монголии. Все они изготовлены из красной яшмы, длина их 20—25 см, причем от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{7}$ ее приходится на голову животного. Стержни всегда имеют сигарообразную, овальную в сечении форму; поверхность их тщательно зашлифована.

Оба минусинских жезла найдены случайно. Один из них завершается головой барана с опущенными книзу и загнутыми назад рогами (Радлов, 1894, табл. 22, 1); на конце второго (см. рисунок, 1) имеется прекрасно моделированная голова быка с такими же, как у первого, опущенными книзу и отогнутыми назад рогами (Цыганков, 1926, с. 84). Глаза животного переданы в виде двух резных концентрических овалов, а ноздри — короткими полудугными линиями. Рельефно-выпуклые уши обращены в сторону шеи.

Из двух каменных жезлов Тувы один, представляющий обломком, найден случайно под Нойонским хребтом, а другой — в погребении могильника Тарлашкын (История Тувы, с. 22). Первый (см. рисунок, 2) завершается изображением головы комолого быка, по стилю тождественным минусинскому. На конце тарлашкынского жезла — голова самки лося, трактованная

в примитивно-реалистической манере. Для обоих, впрочем, как и для всех жезлов этого типа, характерно сочетание рельефной моделировки и резных линий.

Жезл из Северной Монголии представляет собой шлифованный пестобразный предмет с изображением головы быка, совершенно тождественный паходкам из Минусинской котловины и Тувы (Волков, 1965, с. 5—6).

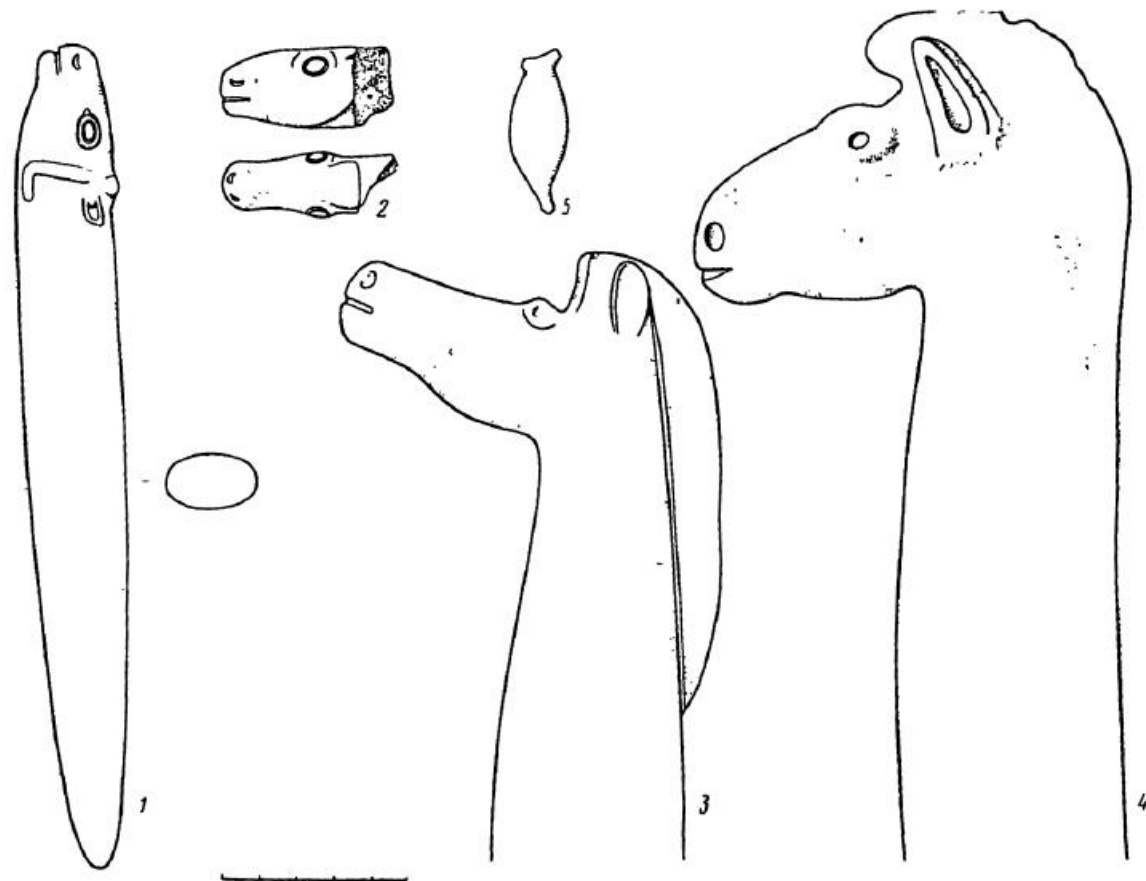
Жезлы второго типа очень крупных размеров: длина их вдвое превышает длину жезлов первого типа. Стержни — сигарообразной формы, скульптурное изображение головы животного расположено под углом к оси стержня и занимает от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{8}$ общей длины. Моделировка скульптуры и трактовка ее отдельных деталей во многом близки манере, свойственной жезлам первого типа. Отличие заключается лишь в отсутствии резных линий, используемых для изображения глаз.

Несколько жезлов этого типа найдено в Прибайкалье. Они, как правило, представляют собой длинные тонкие каменные стержни, завершающиеся скульптурным изображением головы медведя (Окладников, 1950а, рис. 1). Один из них, найденный близ Братска, по описанию А. П. Окладникова, отличается от других совершенством оформления и высоким качеством отделки. По форме он напоминает каменный пест, но более длинный и тонкий. Вся поверхность его отшлифована с необычайной для жезлов тщательностью. У головы медведя моделированы только самые существенные черты: характерный выпуклый лоб, длинная и тупая передняя часть морды с косо поставленными ноздрями, длинная пасть, круглые маленькие уши и крутой выгиб нижней челюсти. Глаза не обозначены (Окладников, 1950б, с. 283).

Жезл этого типа найден также на Алтае, у оз. Иткуль. Согласно описанию С. В. Студзицкой, «пест сделан из песчаника, длина его 38,5 см... к голове он равномерно сужается. Морда медведя поднята вверх так же, как и на жезле из Братска. Очень правдиво передан

ними располагается конец гребня, изображающего вздыбленную гриву.

Еще один жезл этого типа (см. рисунок, 4) происходит из станицы Бухтарминской Казахской ССР (Славнин, 1949, с. 125—126). Подобно предыдущему, он представляет собой

Каменные фигурные жезлы Сибири.

1 — Минусинская котловина; 2 — Тува; 3, 4 — Восточный Казахстан; 5 — Красноярск.

облик зверя с его тупой, несколько удлиненной мордой, уши даны небольшими выступами, глаза показаны выступающими плоскостями, рот обозначен резной линией, ноздри — маленькими ямками. Тщательно моделирована нижняя челюсть» (Студзицкая, 1969, с. 57, рис. 2, 2).

Другой жезл рассматриваемого типа (см. рисунок, 3), случайно найденный в Восточном Казахстане, хранится в Семипалатинском музее (Черников, 1960, рис. 21). Это длинный пестообразный предмет со скульптурной головой козя на конце. Морда животного расположена под углом к оси стержня. Моделировка головы очень искусная. Ноздри переданы ямками, глаза выпуклые с ямками в центре, уши рельефно-выпуклые, поднятые вверх, между

длинный пестообразный предмет с головой козя на конце, выполненной в очень близкой, почти тождественной манере. Скульптура отличается превосходной реалистической моделировкой мускулатуры на морде животного.

П. П. Славнин упоминает еще один жезл, найденный в Омской области у пос. Волчье; но, как сообщил автору В. И. Матюшенко, это лишь скульптурное изображение головы козя на короткой округлой подставке.

Третий тип жезлов представлен двумя экземплярами, найденными на песках у д. Базаихи под Красноярском. Жезлами они могут быть названы лишь чисто условно, так как очень миниатюрны. Оба предмета представляют собой округлые в сечении стержни со значительным, но плавным утолщением в сред-

ней части; один конец их завершается обобщенным скульптурным изображением медвежьей головы (Окладников, 1957, с. 47—48). Морда животного располагается под углом к оси стержня, как и на жезлах второго типа (см. рисунок, 5). По обобщенной трактовке головы оба предмета сближаются с прибайкальской группой жезлов, отличающихся от западносибирских большим схематизмом.

О времени бытования фигурных жезлов сказано несколько различных точек зрения. Жезлы первого типа, до находки одного из них в погребении, датировали обычно тагарской эпохой (Киселев, 1951, с. 434). Основанием для этого служило некоторое сходство стержней с тагарскими оселковидными амулетами, но при этом упускалось из виду, что последние всегда отличаются по форме и имеют отверстия для подвешивания.

Погребение в могильнике Тарлашкын, где был найден жезл с головой лося, датировано М. Х. Маннай-оолом афанасьевской эпохой на основании сходства найденного там же бронзового ножа с глазковскими ножами Прибайкалья. К его мнению присоединился В. В. Волков (1965, с. 6). В отличие от них М. Д. Хлобыстина (1970, с. 273) полагает, что данный нож имеет андроновский облик и, следовательно, погребение относится к эпохе бронзы. По типологической схеме Ю. С. Гриппина, рассматриваемый нож относится ко второму типу черешковых двухлезвийных ножей, которые датируются им концом III тысячелетия до н. э. (не исключая расширения даты на вторую половину II тысячелетия до н. э.). В Прибайкалье, по Ю. С. Гриппину, найден всего один такой нож в погребении на р. Цэпань, но и его нельзя считать черешковым, так как он снабжен лишь небольшими плечиками у основания (Окладников, 1955, рис. 10, 2). Подавляющее большинство ножей второго типа (12 из 16, по Ю. С. Гриппину) найдено в Минусинской котловине, причем 7 из них в погребальных комплексах. Одно из этих погребений достоверно окуневское (улус Окунев, курган 1, могила 8), 2 других — в могильнике у горы Моисеихи — также окуневские, но впущенные в афанасьевские могилы. Несколько сложнее решается вопрос о датировке остальных погребений. Так, могильник Тас-Хазаа, давший 3 ножа этого типа, рассматривается А. Н. Липским (1961, с. 271) как афанасьевский, а Л. А. Ивановой (1966, с. 90) как афанасьевский, но с окуневскими впускными погребениями. Позднее Л. А. Иванова (1970, с. 11) пересмотрела свою точку зрения и отнесла Тас-Хазаа к числу памятников смешанного характера, существовавших на раннем этапе окуневской культуры. Действительно, особенности

конструкции ограда и расположения могил в ней находят близкие аналогии только в окуневских памятниках и ни разу не отмечены в афанасьевских. Весь инвентарь погребений, за исключением нескольких сосудов афанасьевского облика, также типично окуневский (Максименков, 1965а, с. 209—210). Это позволяет, не выясняя причин появления афанасьевских горшков в этом комплексе (что выходит за рамки данной работы), датировать могильник окуневским периодом.

Последний нож второго типа найден в афанасьевском могильнике Тесь I (курган 15, могила 2) при трупосожжении вместе с глиняным круглодонным сосудом, бронзовым трубчатым игольником и костяной кинжаловидной подвеской, орнамент которой почти тождествен украшению головного убора на одной из окуневских stel (Вадецкая, 1967, рис. 19). Данное погребение, очевидно, относится к очень поздней поре афанасьевской культуры и несет на себе следы окуневских влияний (черешковый нож, трубчатый игольник, орнамент подвески). Сравнительную молодость указанного могильника отмечал С. В. Киселев (1951, с. 42—43).

Из всего изложенного можно заключить, что черешковые ножи второго типа появляются в Минусинской котловине на раннем этапе окуневской культуры и впоследствии, очевидно, исчезают, так как в могильнике Черновая VIII они не встречены. Это позволяет датировать тарлашкынское погребение, а вместе с ним и жезл окуневской эпохой. Подобной же датировки этой могилы придерживается и Г. А. Максименков (1970, с. 72). Тарлашкынский жезл, а вместе с ним и остальные жезлы этого типа сопоставимы, что отмечала и М. Д. Хлобыстина (1970, с. 273), со стеатитовыми женскими игольниками окуневских погребений, которые имеют вид стержня, завершающегося головой, но не животного, а человека. Манера исполнения этих двух видов скульптур также почти тождественна; она характеризуется сочетанием моделировки и резных линий.

Жезлы второго типа из-за распространенности их на очень большой территории единой датировки до сих пор не имели. Прибайкальская группа их и обе базальтские фигурки были датированы А. П. Окладниковым неолитом (Окладников, 1957, с. 48). Иную точку зрения по этому вопросу высказала С. В. Студзицкая, которая отметила, что для этих жезлов характерно желобчатое разделение межчелюстного пространства у головы зверя — прием, появляющийся не ранее II тысячелетия до н. э. В пользу этой же даты свидетельствует и проанализированное А. П. Окладниковым сравнение фигурок с северо-западными фигурными молотами, которые также датируются не ранее

II тысячелетия до н. э. К этому времени С. В. Студзицкая (1969, с. 61) относит все жезлы с головой медведя, включая и найденный на Алтае. Остальные жезлы второго типа она датирует, без приведения какой-либо аргументации, второй половиной I тысячелетия до н. э. — очевидно, принимает датировку П. П. Славина. Последний для обоснования этой даты указал на некоторое сходство фигур жезлов с изображениями животных на бронзах карасукского (позднеандроновского на западе) времени (Славин, 1949, с. 126).

Налицо искусственное расчленение жезлов второго типа на 2 разные хронологические группы по сюжетному признаку. Жезлы с головой медведя признаны более древними, чем жезлы с головой коня, несмотря на то что и те и другие представляют собой одинаково длинные, сходные по форме и размерам певствидные предметы, завершающиеся скульптурной головой животного, морда которого располагается под углом к оси стержня. Хотя для прибайкальских жезлов характерна более обобщенная, чем на западе, трактовка скульптур, это отнюдь не может служить доказательством их большей древности, тем более что алтайский жезл с головой медведя занимает как бы промежуточное положение между обеими группами. Следует обратить внимание на то, что на нем, в отличие от прибайкальских жезлов, выпуклыми плоскостями обозначены глаза, которые на жезлах с головой коня также передаются выпуклостями, но с точками в центре.

Таким образом, датировка С. В. Студзицкой жезлов с головой медведя может быть распространена и на жезлы с головой коня. При этом следует принять во внимание, что жезлы второго типа несравненно ближе к жезлам первого типа, чем к предметам карасукского времени, хотя и отличаются от них большими размерами, иной постановкой головы животного и своеобразной моделировкой глаз.

Немаловажен и тот факт, что почти во всех областях распространения фигурных жезлов (в Прибайкалье, на Енисее и в Казахстане) известны скульптурные человеческие головки на концах «пестиков» — предметы, несомненно родственные им по происхождению (Кызласов, 1956, с. 14—20; Студзицкая, 1970, рис. 5, 6). Вне этих территорий, за исключением единичной находки в Тюменской области, они неизвестны. Подобно жезлам, «идольчики» разных областей своеобразны как по оформлению человеческой головки, так и по размерам: найденный в Семипалатинской области, например, имеет длину 17,8 см, в то время как минусинские обычно раза в три меньше.

Ареал фигурных жезлов укладывается в границы тех территорий, на которых, по

Г. А. Максименкову, в начале II тысячелетия до н. э. существовали культуры окуневского круга (Максименков, 1970, с. 69—74). Следовательно, и прототипы их следует искать прежде всего в данных пределах.

Решение этого вопроса тесно связано с выяснением семантики жезлов. Выше уже отмечалось отсутствие на них следов использования в качестве орудий, что дает основание считать их предметами культа. С. Р. Цыганков первым в осторожной форме высказал предположение, что они могли быть стилизованными изображениями фаллоса (Цыганков, 1926, с. 84), а А. П. Окладников и С. В. Студзицкая прямо отнесли жезлы к кругу тотемно-фаллических изделий, использовавшихся при обряде интичиума (Окладников, 1950б, с. 331; Студзицкая, 1969, с. 62). Судя по гравировкам на плитах могильника Тас-Хазаа, у окуневцев действительно имелись магические обряды, во время которых действующее лицо в маске, изображающей голову животного, пользовалось какими-то предметами — символами фаллоса (Липский, 1961, с. 275). В пережиточной форме этот обряд сохранился у северных алтайцев. Центральной фигурой его был особый персонаж Кочоган, в берестяной маске и колпаке, с деревянным посохом и фаллосом в руках. Моления проводились с целью испрашивания благополучия для скота и удачной охоты (Окладников, 1970, с. 115).

Поиски прототипов фигурных жезлов, таким образом, следует вести среди культовых предметов тотемно-фаллического характера. Еще П. П. Славин (1949, с. 126) обратил внимание, что каменные жезлы близки к серию археологических находок явно фаллического характера, представляющих собой длинные и по сравнению с обычными более тонкие песты с явно выраженными стилизованными признаками фаллоса. Они известны в Западной Сибири и Минусинской котловине. Точной датировки эти предметы не имеют, но, судя по тому, что один из них был найден случайно на афасеевском поселении у Шушенского (хранится в местном школьном музее), они являются предшественниками жезлов окуневской эпохи и, очевидно, отчасти их прототипами. Вторая серия предметов, с которыми возможно сопоставление жезлов, — костяные головки лосей из энеолитических могил Прибайкалья. Головки, по мнению С. В. Студзицкой (1969, с. 35), возможно, являлись навершиями составных жезлов. Поэтому не исключено, что фигурные жезлы возникли в результате синтеза более древних религиозных представлений племен Сибири.

Еще одна параллель жезлам приведена А. П. Окладниковым. Относительно базайских

фигурок он пишет: «Сходство их (с фигурными молотами Северо-Запада европейской части СССР, — *Н. Л.*) настолько велико, что общие очертания фигуры с ее расширением посередине и головой зверя на одном конце могут показаться результатом сознательного подражания формам фигурных молотов» (Окладни-

ков, 1957, с. 48). Скульптурные изображения на концах молотов по стилю близки также и другим типам жезлов Сибири, но функционально эти предметы предназначались для иных целей, поэтому и сходство между ними могло возникнуть случайно.

